

Джованни Арриги

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «ДОЛГОГО ДВАДЦАТОГО ВЕКА»¹

В «Долгом двадцатом веке» мною было выдвинуто три основных тезиса. Задача же настоящего послесловия состоит в том, чтобы прояснить значение этих трех тезисов и оценить их полезность в наблюдении за развитием глобальной политической экономии в течение полутора десятилетий, прошедших с тех пор, как они впервые были высказаны.

Первый тезис заключается в том, что финансовая экспансия, которой характеризовалась мировая экономика последних десятилетий XX века, была не каким-то новым явлением, а повторяющейся тенденцией исторического капитализма с самого его рождения. Если прошлые тенденции позволяют ориентироваться в прошлом и будущем, можно ожидать, что финансовая экспансия временно восстановит благосостояние ведущей движущей силы капитализма эпохи (то есть Соединенных Штатов), но в конечном итоге завершится сменой ведущей силы в центре накопления капитала в мировом масштабе. Пользуясь выражением Герхарда Менша (Mensch, 1979: 72), я назвал начало каждой финансовой экспансии «сигнальным кризисом», а конец каждой финансовой экспансии — «терминальным кризисом» доминирующего режима накопления. В том смысле, в котором я употреблял эти словосочетания, «сигнальный кризис» — то есть переход от торговли и производства к финансовому посредничеству и спекуляциям — означает, что возможность дальнейшего получения прибыли от реинвестирования капитала в материальный рост мировой экономики достигла своих пределов. Хотя финансиализация позволяет тем, кто ее проводит и организует, на какое-то время продлить свое лидерство в мировой экономике, исторически она всегда была прелюдией к «терминальному кризису» доминирующего режима накопления, то есть к его краху и замене новым режимом.

1. Я выражаю признательность Беверли Сильвер за ее многочисленные предложения и комментарии к различным версиям этого послесловия, а также студентам наших семинаров 2008–2009 годов в Университете Джона Хопкинса, на которых обсуждались черновые варианты послесловия.

Второй тезис состоит в том, что прошлые финансовые экспансии представляют собой не просто повторяющиеся (циклические) явления, но также моменты фундаментальной перестройки режима накопления. Благодаря таким последовательным реорганизациям капитализм возобладали над всем миром и постепенно расширил свой охват и степень проникновения. Иными словами, финансовые экспансии сопровождались появлением более влиятельных — как в финансовом, так и в военном отношении — по сравнению со своими предшественниками сил накопления капитала.

Третий тезис состоит в том, что динамика мирового капитализма не только менялась со временем, но и сделала финансовую экспансию конца XX века аномальной в ключевых отношениях. Важнейшей аномалией является беспрецедентная бифуркация финансового и военного могущества, которая, как я утверждал, могла развиваться в одном из трех направлений: (1) формирование мировой империи; (2) формирование некапиталистической мировой экономики; (3) ситуация бесконечного системного хаоса.

ЛОГИКА ФИНАНСОВЫХ ЭКСПАНСИЙ

В теоретическом осмыслении финансовых экспансий, предложенном в «Долгом двадцатом веке», материальные экспансии в конечном итоге приводят к перенакоплению капитала, которое, в свою очередь, вынуждает капиталистические организации вторгаться в сферы деятельности друг друга; разделение труда, которое прежде определяло условия их взаимовыгодного сотрудничества, рушится; а обостряющаяся конкуренция превращается из игры с положительной суммой в игру с нулевой (или даже отрицательной) суммой. Усиливая общую тенденцию к понижению нормы прибыли, ожесточенная конкуренция увеличивает склонность капиталистических сил сохранять все большую долю своих доходов в ликвидной форме. Тем самым она укрепляет то, что мы можем назвать условиями «предложения» финансовых экспансий. Таким образом, как показала Грета Криппнер (Krippner, 2005), доля всей финансовой прибыли американских корпораций, приходящейся на финансы, страхование и недвижимость, в 1980-х не только почти догнала, но и в 1990-х превзошла долю, приходящуюся на производство; и — что еще более важно — сами нефинансовые фирмы резко увеличили свои инвестиции в финансовые активы по сравнению с инвестициями в основной капитал.

Устойчивый финансовый рост возможен лишь тогда, когда для этого большего предпочтения, отдаваемого ведущими капиталистическими игроками ликвидности, имеются соответствующие условия «спроса». Исторически важным фактором в создании условий «спроса» для финансового роста было усиление межгосударственного соперничества за мобильный капитал — соперничества, которое Макс Вебер назвал «всемирно-исторической чертой [современной] эпохи». Возникновение финансовых экспансий в периоды особенно острого межгосударственного соперничества за мобильный капитал не является исторической случайностью. Скорее, оно связано

со склонностью территориальных организаций отвечать на более жесткие бюджетные ограничения, которые возникают вследствие замедления роста торговли и производства, вступлением в острую конкуренцию друг с другом за капитал, который накапливается на финансовых рынках. Эта тенденция вызывает масштабное системное перераспределение доходов и богатства от всех видов сообществ к силам, которые контролируют мобильный капитал, тем самым увеличивая и поддерживая прибыльность финансовых сделок, во многом оторванных от торговли и производства. Такое перераспределение было характерно для всех *belle époques* финансового капитализма — от Флоренции эпохи Возрождения до рейгановской и клинтоновской эры (Арриги, 2006; Arrighi and Silver, 1999: ch. 3). Рассматривая уход голландцев из торговли примерно в 1740 году для того, чтобы стать «банкирами Европы», Бродель отмечал, что этот уход был повторяющейся миросистемной тенденцией. Та же тенденция наблюдалась уже в Италии XV века, а затем вновь около 1560 года, когда ведущие группы генуэзской деловой диаспоры постепенно ушли из торговли, чтобы на протяжении почти семидесяти лет управлять европейскими финансами «настолько осторожно и тонко, что историки в течение долгого времени не в состоянии были этого заметить». После голландцев англичане повторили эту тенденцию во время и после Великой депрессии 1873–1896 годов, когда окончание «фантастических приключений промышленной революции» создало огромный избыток денежного капитала. После не менее «фантастических приключений» так называемого фордизма-кейнсианства американский капитал, начиная с 1970-х годов, двигался по схожей траектории. Мы легко можем узнать в этом последнем «возрождении» финансового капитала еще один случай этого повторяющегося поворота к «эклетицизму», который в прошлом был связан со зрелостью капиталистического развития. «Любая эволюция такого рода как бы возвещала, вместе со стадией финансового расцвета, некую зрелость; то был признак надвигающейся осени» (Бродель, 1988: 243–244, 247).

Это утверждение перекликается с наблюдением Маркса, что система кредита — на национальном и международном уровне — была ключевым инструментом передачи избыточного капитала от приходящих в упадок центров капиталистической торговли и производства к восходящим центрам. Поскольку основная идея «Капитала» Маркса абстрагирована от роли государств в процессах накопления капитала, государственные долги, отчуждение активов и будущие доходы государств рассматриваются под рубрикой «первоначального накопления», «являющегося не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом» (Маркс, 1960: 725). Этот подход помешал Марксу, в отличие от Вебера, признать сохраняющееся значение государственных долгов в капиталистической системе, помещенной в государства, постоянно соперничающие друг с другом за мобильный капитал. И все же Маркс признавал сохраняющуюся важность государственных долгов, но не как выражения межгосударственного соперничества, а как средства «невидимого» межкапиталистического сотрудничества, кото-

рое вновь и вновь «начинало» накопление капитала в пространстве и времени мирового капитализма с самого его начала и до современной ему эпохи:

Вместе с государственными долгами возникла система международного кредита, которая зачастую представляет собой один из скрытых источников первоначального накопления у того или другого народа. Так, гнусности венецианской системы грабежа составили подобное скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой пришедшая в упадок Венеция ссужала крупные денежные суммы. Таково же отношение между Голландией и Англией. Уже в начале XVIII века... Голландия перестала быть господствующей торговой и промышленной нацией. Поэтому в период 1701–1776 гг. одним из главных предприятий голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке — Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами (Маркс, 1960: 765–766).

Маркс никогда не делал теоретических выводов из этого исторического наблюдения. Хотя в третьем томе «Капитала» немало места было уделено «денежному капиталу», он продолжал рассматривать государственные долги и отчуждение государства в рамках механизмов накопления, которые являются «не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом». И все же в его собственном историческом наблюдении то, что кажется «исходным пунктом» в одном центре (Голландия, Англия, Соединенные Штаты), в то же самое время является «конечным пунктом» длительных периодов накопления капитала в ранее сложившихся центрах (Венеция, Голландия, Англия). Пользуясь броделевской метафорой, каждая финансовая экспансия одновременно является обладающей всемирно-исторической значимостью «осенью» капиталистического развития, которое достигло своих пределов в одном месте, и «весной» еще более значимого развития, начинающегося в другом месте.

Как было отмечено ранее, подобная тенденция наблюдалась и на протяжении последних пятнадцати лет. Но, как я отметил в «Долгом двадцатом веке», ссылаясь на Джоэла Коткина и Йорико Кишимото (Kotkin and Kishimoto, 1988: 123), «вопреки изречению Маркса, Соединенные Штаты не идут по пути других империй, занимавшихся экспортом капитала (Венеция, Голландия и Великобритания), а привлекают теперь новую волну иностранных инвестиций». Когда Китай пришел на смену Японии, возглавив восточноазиатский экономический рост 1990–2000-х, это опровержение изречения Маркса перестало казаться таким уж убедительным, потому что американские корпорации инвестировали в Китай гораздо больше, чем прежде в Японию. Тем не менее движение капитала из восходящего (восточноазиатского) в приходящий в упадок (американский) центр накопления капитала продолжает превосходить движение в противоположном направлении — и к этой аномалии последней финансовой экспансии мы еще вернемся.

ЦИКЛИЧЕСКИЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Сходства между системными циклами накопления, каждый из которых включает появление нового режима по мере финансовой экспансии старого режима, привели к тому, что некоторые читатели стали приписывать «Долгую двадцатому веку» жесткий циклизм, в котором, по словам Майкла Хардта и Антонио Негри, «невозможно распознать момент разрыва системы, изменение парадигмы, событие. Напротив, все должно двигаться по кругу, и, таким образом, история капитализма становится вечным возвращением» (Негри и Хардт, 2004: 225; см. также: Detti, 2003: 551–552). На самом же деле сделанный в книге акцент на повторении финансовых экспансий не мешает нам признавать системные разрывы и парадигмальные сдвиги и не преподносит историю капитализма в виде вечного возвращения того же самого. Напротив, он призван показать, что фундаментальные реорганизации системы происходят именно тогда, когда кажется, будто «то же самое» (в форме повторяющихся финансовых экспансий) возвращается.

В Диаграмме 1 приведена историческая закономерность повторения и развития, которую можно вывести из сравнения последовательных системных циклов накопления в «Долгом двадцатом веке». Как только мы сравниваем ведущие силы, стратегии и структуры сменяющих друг друга циклов, выясняется, что они не только отличаются друг от друга, но и что их последовательность описывает закономерность эволюции к режимам все большей величины, охвата и сложности. Диаграмма 1 показывает эту эволюционную закономерность, сосредотачивая внимание на «вместилищах власти», которые служили «штаб-квартирами» ведущих капиталистических сил сменявших друг друга режимов накопления: Генуэзской республике, Соединенных Провинциях, Британии и Соединенных Штатах.

Во время подъема и полного развития генуэзского режима Генуэзская республика была небольшим по размерам и простым по организации городом-государством, который на самом деле обладал не слишком большим влиянием. И все же благодаря своим обширным коммерческим и финансовым связям генуэзский капиталистический класс, организованный в космополитическую диаспору, мог разговаривать на равных с самыми сильными территориальными правителями Европы и превращать непрерывное соперничество между этими правителями за мобильный капитал в мощный двигатель самовозрастания своего собственного капитала (Арриги, 2006: 161–184, 201–210).

Во время возвышения и полного раскрытия голландского режима накопления Соединенные Провинции были гибридной организацией, которая сочетала некоторые черты приходящих в упадок городов-государств с некоторыми чертами восходящих национальных государств. Будучи более крупной и гораздо более сложной организацией в сравнении с Генуэзской республикой, Соединенные Провинции «вмещали» достаточно власти, чтобы обрести независимость от имперской Испании, отобрать у нее лакомые мор-

Диаграмма 1. Эволюционные закономерности мирового капитализма

Ведущее правитель- ственное устройство	Тип режима/Цикл		Интернализированные издержки			
	Экстен- сивный	Интен- сивный	Защита	Произ- водство	Операции	Воспроиз- водство
Мировое государство		американский	+	+	+	–
Национальное государство		британский	+	+	–	–
		голландский	+	–	–	–
Город- государство		генуэзский	–	–	–	–

Источник: Arrighi and Silver (2001: 265)

ские и сухопутные владения, создать свою преуспевающую империю торговых аванпостов и противостоять военным вызовам Англии на море и Франции на суше. Большая мощь голландского государства по сравнению с генуэзским позволяла голландскому капиталистическому классу делать то, что уже было сделано генуэзцами, — превратить межгосударственное соперничество за мобильный капитал в двигатель самовозрастания своего собственного капитала, не «покупая» при этом защиту у территориальных государств, как это вынуждены были делать генуэзцы. Иными словами, голландский режим «интернализировал» издержки на защиту, которые генуэзцы «экстернализировали», как показано на Диаграмме 1 (Арриги, 2006: 79–91; 161–210).

Во время подъема и полного развития британского режима накопления Британия была не только полностью развитым национальным государством и, как таковая, обладала более сложной организацией, чем Соединенные Провинции; она также была завоевательной торговой и территориальной империей, которая наделяла свои правящие группы и капиталистический класс беспрецедентной властью над людскими и природными ресурсами во всем мире. Это позволяло британскому капиталистическому классу делать то, что уже могли делать голландцы — извлекать пользу из межгосударственного соперничества за мобильный капитал и «производить» защиту, необходимую для самовозрастания своего собственного капитала,

избегая при этом опоры на иностранные и зачастую враждебные территориальные организации в агропромышленном производстве, на котором покоилась доходность его торговой деятельности. Если, в отличие от генуэзского режима, голландцы интернализировали издержки на защиту, то британцы, в отличие от голландцев, интернализировали еще и издержки производства (Арриги, 2006: 87–103; 236–309).

Наконец, во время подъема и полного развития американского режима накопления Соединенные Штаты представляли собой уже нечто большее, нежели просто развитое национальное государство. Именно континентальный военно-промышленный комплекс, обладающий достаточной силой, чтобы обеспечить действенную защиту широкому спектру зависимых и союзнических правительств и сделать вероятной угрозу экономического подавления или военного уничтожения недружественных правительств в любой части мира. В сочетании с размерами, изолированностью и природными богатствами собственных территорий, эта сила позволяла американскому капиталистическому классу «интернализировать» не только издержки на защиту и производство, что уже было сделано британским капиталистическим классом, но и операционные издержки, то есть рынки, от которых зависело самовозрастание его капитала (Арриги, 2006: 103–120 и глава 4).

Этот непрерывный рост размеров, охвата и сложности сменявших друг друга режимов накопления капитала в мировом масштабе несколько осложняется другой особенностью временной последовательности таких режимов. Речь идет об одновременном движении вперед и назад. Каждый шаг вперед в процессе интернализации издержек новым режимом накопления приводит к возрождению государственных и деловых стратегий и структур, отброшенных предыдущим режимом.

Так, интернализация издержек на защиту голландским режимом сопровождалась возрождением стратегий и структур венецианского государственно-монополистического капитализма, на смену которому как раз и пришел генуэзский режим. Точно так же интернализация издержек производства британским режимом сопровождалась возрождением, в новых и более сложных формах, стратегий и структур генуэзского космополитического капитализма и иберийского глобального территориализма. И та же закономерность повторилась и при восхождении и полном раскрытии американского режима, который интернализировал операционные издержки, возродив в новых и более сложных формах стратегии и структуры голландского корпоративного капитализма.

Как видно из Диаграммы 1, это повторяющееся возрождение замененных ранее стратегий и структур накопления вызывает маятниковое движение вперед и назад между «космополитически-имперскими» и «корпоративно-национальными» организационными структурами: первые типичны для «экстенсивных» режимов, какими были генуэзский и британский, а вторые — для «интенсивных» режимов, какими были голландский и американский. Генуэзский и британский «космополитически-имперские» режимы были экстенсивными в том смысле, что они отвечали за географическую

экспансию капиталистического мира-экономики. При генуэзском режиме мир был «открыт», а при британском — «завоеван». Голландский и американский «корпоративно-национальные» режимы, напротив, были интенсивными в том смысле, что при них происходила географическая консолидация, а не экспансия современной миросистемы. При голландском режиме «открытие» мира, осуществленное, прежде всего, иберийскими партнерами генуэзцев, было включено в систему транзитных торговых пунктов и акционерных компаний, сосредоточенных в Амстердаме. И при американском режиме «завоевание» мира, прежде осуществленное британцами, было включено в систему национальных рынков и транснациональных корпораций, сосредоточенных в Соединенных Штатах.

Это чередование экстенсивных и интенсивных режимов, естественно, осложняет понимание основной, по-настоящему долгосрочной тенденции ведущих сил системных процессов накопления капитала к росту размеров, охвата и сложности этих режимов. При движении «маятника» в сторону экстенсивных режимов, как во время перехода от голландцев к британцам, основная тенденция усиливается. А при его движении в сторону интенсивных режимов, как во время перехода от генуэзцев к голландцам и от британцев к американцам, основная тенденция кажется менее значительной, чем на самом деле. Но при сравнении двух интенсивных режимов и двух экстенсивных друг с другом — генуэзско-иберийского с британским и голландского с американским — основная тенденция становится очевидной.

Развитие исторического капитализма как миросистемы, таким образом, основывалось на формировании все более сильных космополитически-имперских (или корпоративно-национальных) блоков государственных и деловых организаций, способных расширять (или углублять) функциональный и пространственный охват мировой капиталистической системы. И все же, чем более сильными становились эти блоки, тем более коротким оказывался жизненный цикл режимов накопления — требовалось меньше времени для рождения этих режимов из кризиса предыдущего доминирующего режима, установления своего доминирования и достижения своих пределов к началу новой финансовой экспансии. Если опираться на броделевскую датировку начала финансовых экспансий, то для британского и американского режима это время было почти вдвое короче, чем для — соответственно — генуэзского и голландского (Арриги, 2006: 281–282).

Эта закономерность капиталистического развития, при которой рост влияния режимов накопления оказывается связанным с сокращением продолжительности их существования, заставляет вспомнить тезис Маркса о том, что «настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал» и что капиталистическое производство постоянно преодолевает свои имманентные пределы «только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе» (Маркс, 1961: 274). Но противоречие между самовозрастанием капитала, с одной стороны, и развитием материальных производительных сил — с другой, можно сформулировать в еще более общих терминах, чем у Маркса.

Ведь Маркс применял его только к капитализму как способу производства, то есть с интернализацией издержек производства на британской стадии развития. И все же правило, что настоящим пределом для капиталистического развития служит сам капитал, явно действовало уже на генуэзской и голландской стадиях развития.

И на генуэзской, и на голландской стадии началом и завершением экспансии мировой торговли и производства служило стремление к прибыли как к самоцели со стороны определенной капиталистической силы. На первой стадии Великие географические открытия, организация торговли на дальние расстояния внутри и за пределами обширной иберийской империи и создание зачаточного «мирового рынка» в Антверпене, Лионе и Севилье были для генуэзского капитала простыми средствами его собственного самовозрастания. И когда около 1560 года эти средства перестали отвечать данной цели, генуэзский капитал вскоре ушел из торговли, ограничившись крупными финансовыми операциями. Подобным образом морская торговля между обособленными и часто отдаленными политическими юрисдикциями, сосредоточение транзитной торговли в Амстердаме и производства с высокой добавленной стоимостью в Голландии, создание международной сети коммерческих аванпостов и бирж и «производство» всей необходимой для такой деятельности защиты были для голландского капитала простыми средствами его собственного самовозрастания. И вновь, когда около 1740 года эти средства перестали отвечать этой цели, голландский капитал отказался от них в пользу более полной специализации на крупных финансовых операциях.

С этой точки зрения британский капитал в XIX веке просто повторил закономерность, заданную историческим капитализмом как способом производства, став также способом производства. Единственное отличие заключалось в том, что, в дополнение к морской, транзитной и другим видам торговли дальние и короткие расстояния и соответствующей производственной и защитной деятельности, в британском цикле добывающая и обрабатывающая деятельность — то есть то, что мы можем называть производством в узком смысле слова, — стали важными средствами самовозрастания капитала. Но около 1870 года, когда производство и связанная с ним торговля перестали удовлетворять этой цели, британский капитал перешел к специализации на финансовых спекуляциях и посредничестве с такой же скоростью, с какой это сделали голландский капитал 130 годами ранее и генуэзский капитал 310 годами ранее, а американский капитал сделает 100 лет спустя.

Суть противоречия в том, что во всех случаях рост мировой торговли и производства является простым средством в усилиях, направленных прежде всего на увеличение стоимости капитала, и все же со временем это приводит к падению нормы прибыли и тем самым снижению стоимости капитала. Благодаря сохранению своего центрального положения в сетях финансовой олигархии сложившиеся организационные центры находятся в наилучшем положении для того, чтобы использовать усиление соперничества за мобильный капитал к собственной выгоде, и тем самым для восста-

новления своей прибыли и могущества за счет остальной системы. С этой точки зрения восстановление американской прибыли и могущества в 1990-х следует закономерности, которая была типична для мирового капитализма с самого его возникновения. Остается открытым вопрос: последует ли за этим восстановлением, как это имело место в прошлом, замена все еще доминирующего (американского) режима другим режимом?

БИФУРКАЦИЯ ФИНАНСОВОЙ И ВОЕННОЙ ВЛАСТИ

Если бы будущее мирового капитализма было полностью вписано в рассмотренные выше закономерности, то задача прогнозирования того, чего нас следует ожидать, была бы довольно простой. Во-первых, в течение примерно полувека после своего сигнального кризиса начала 1970-х годов американский режим пережил бы свой терминальный кризис. Во-вторых, со временем (скажем, еще через двадцать-тридцать лет) кризис сменился бы формированием нового режима, способного обеспечить новый материальный рост мировой экономики. В-третьих, ведущая правительственная организация этого нового режима имела бы более выраженные черты «мирового государства», чем Соединенные Штаты. В-четвертых, в отличие от американского режима, новый режим был бы экстенсивным («космополитическим-имперским»), а не интенсивным («корпоративно-национальным»).

Наконец, и это самое важное, новый режим интернализировал бы издержки воспроизводства человеческой жизни и природы, которые американский режим склонен был экстернализовать.

Нельзя исключать того, что некоторые из этих обещаний действительно будут выполнены. И, как я утверждал в «Адаме Смите в Пекине», первое из них уже исполнено, а второе может находиться в процессе исполнения. Провал неоконсервативного проекта «За новый американский век» обернулся терминальным кризисом американской гегемонии, то есть превращением ее в простое господство. В то же самое время наиболее важным непреднамеренным следствием иракской авантюры стало усиление тенденции к перемещению центра мировой экономики в Восточную Азию, а в Восточной Азии — к Китаю. Хотя этот географический сдвиг еще не создал условия для материальной экспансии мировой экономики, не исключено, что рано или поздно он их создаст — и ниже мы еще вернемся к этому вопросу (Арриги, 2009: гл. 7).

Но переходы от одного режима к другому не вписаны до конца в ранее сложившиеся закономерности. Сложившиеся закономерности повторения и развития показывают, что последовательная смена путей развития, которая в результате многовековых изменений привела капитализм к его нынешней, всеобъемлющей глобальной форме, не была случайной. Но появление нового пути развития в ходе каждого перехода зависело от и полностью определялось спектром исторических и географических факторов, которые сами трансформировались и перестраивались вследствие соперничества и борьбы, лежавшей в основе финансовых экспансий.

Иными словами, эти закономерности, которые мы наблюдаем *ex post*, являются таким же следствием географических и исторических случайностей, как и исторической необходимости. Поэтому, размышляя *ex ante* о будущих результатах нынешнего перехода, нам следует уделять равное внимание явлениям, которые вписываются в прошлые закономерности повторения и развития, и явлениям, которые в них не вписываются, то есть значительным аномалиям, способным привести к отклонению будущих результатов от прошлых закономерностей. Как уже было отмечено ранее, важной нынешней аномалией является беспрецедентная бифуркация финансовой и военной власти. Как уже было сказано в «Долгом двадцатом веке», хотя крах Советского Союза сделал Соединенные Штаты единственной военной сверхдержавой, ослабление советского могущества сопровождалось усилением того, что Брюс Камингс (Cumings, 1993: 25–26) назвал «капиталистическим архипелагом» Восточной Азии. Япония, бесспорно, была самым большим из «островов» этого архипелага. Другими важнейшими островами были города-государства Сингапур и Гонконг, гарнизонное государство Тайвань и национальное государство Южная Корея. Ни одно из этих государств не было могущественным, если оценивать могущество в соответствии с привычными стандартами. Хотя Гонконг и Тайвань не были даже суверенными государствами, два более крупных государства — Япония и Южная Корея — полностью зависели от Соединенных Штатов не только в вопросах военной защиты, но и в вопросах поставок значительной части энергоресурсов и продовольствия и выгодного сбыта товаров, произведенных их промышленностью. Вопреки утверждениям некоторых рецензентов «Долгого двадцатого века», я никогда не утверждал, что какое-то из этих государств (включая Японию) способно было заменить Соединенные Штаты в качестве гегемонистской державы. Тем не менее коллективная экономическая мощь архипелага как новой «мастерской» и «копилки» мира вынуждала традиционные центры капиталистической власти — Западную Европу и Северную Америку — реструктуризировать и реорганизовывать свои производства, свои экономики и свои образы жизни (Арриги, 2006: 64).

Когда я писал «Долгий двадцатый век», я не вполне сознавал масштаб и значение возвышения Китая в центре восточноазиатской политической экономики. Я понимал, что возвышение ослабит, но не упразднит, бифуркацию между (американской) военной мощью и (восточноазиатской) финансовой мощью. (И это было главной причиной того, почему в 1990-х я сместил фокус своих исследований с восточноазиатского «капиталистического архипелага» на Китай; см.: Arrighi et al., 2003, Арриги, 2009). И все же я утверждал тогда и продолжаю думать теперь, что бифуркация между (американской) военной мощью и (восточноазиатской) экономической мощью, которую мы наблюдаем с 1980-х, не имеет прецедентов в капиталистической истории. Она лишила Запад одной из двух важнейших составляющих его процветания на протяжении последних пяти столетий: контроля над избыточным капиталом. Также важно, что, если Китай/Восточная Азия займет в будущем гегемонистское положение, это будет совершенно иной тип гегемонии, нежели западный тип последних пяти столетий.

Ведь каждый из последовательных системных циклов накопления основывался на создании все более сильных блоков правительственных и деловых организаций, имеющих больше по сравнению с предыдущим блоком возможностей для расширения пространственного и функционального охвата мирового капитализма. Этот эволюционный процесс, как я говорил, достигал своих пределов потому, что «возможности традиционных центров силы капиталистического Запада в ведении войн и укреплении государства зашли настолько далеко, что они могут возрасти еще больше только в результате создания по-настоящему глобальной мировой империи». И все же «осуществление [проекта такой империи] потребует контроля над наиболее богатыми источниками мирового избыточного капитала — источниками, которые теперь находятся в Восточной Азии». И мне было не вполне ясно тогда (и все еще не ясно теперь), «какими средствами традиционные центры силы Запада могут приобрести и сохранить этот контроль» (Арриги, 2006: 445–446).

Поэтому в заключении я описывал не один, а три совершенно разных сценария возможного исхода продолжающегося кризиса американского режима накопления. Соединенные Штаты и их европейские союзники могли попытаться использовать свое военное превосходство для получения «платы за защиту» от складывающихся капиталистических центров Восточной Азии. Если бы эта попытка оказалась успешной, в результате появилась бы первая по-настоящему глобальная империя в мировой истории. Если бы такая попытка не была предпринята или если бы она была предпринята, но оказалась неудачной, Восточная Азия со временем стала бы центром, основанным не на превосходящей военной мощи, как в прошлом, а на взаимном уважении мировых культур и цивилизаций. И все же сохранялась возможность того, что бифуркация могла привести к мировому хаосу. Как я уже сказал тогда, перефразируя Йозефа Шумпетера, прежде чем человечество сгниет (или познает счастье) в темнице (или раю) глобальной империи с центром на Западе или мировом рыночном обществе с центром в Восточной Азии, «оно вполне может сгореть в пожаре (или лучах славы) нарастающего насилия, которым сопровождалась ликвидация мирового порядка времен холодной войны». (Арриги, 1994: 448).

КРИЗИС АМЕРИКАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ

Все три сценария, описанные в конце «Долгого двадцатого века» остаются возможными альтернативными исходами терминального кризиса американской гегемонии. Бифуркация военной и финансовой мощи в глобальном масштабе, а также экономическое возвышение Восточной Азии продолжают быстрыми темпами. В нашей с Беверли Сильвер книге «Хаос и управление в современной миросистеме» (1999) мы утверждали, что неспособность японской экономики оправиться после краха 1990–1992 годов и восточноазиатского финансового кризиса 1997–1998 годов сама по себе

не свидетельствовала об иллюзорности возвышения Восточной Азии. Мы отмечали, что при предыдущих гегемонистских переходах именно вновь рождавшиеся центры накопления капитала в мировом масштабе испытывали самые глубокие финансовые кризисы, поскольку их финансовая удаля опережала их институциональную способность регулировать огромные потоки мобильного капитала, попадающие в и покидающие их юрисдикции. Это было верно для Лондона и Англии в конце XVIII столетия и в еще большей степени для Нью-Йорка и Соединенных Штатов в 1930-х. Несмотря на крах Уолл-стрит и последующую американскую Великую депрессию, никто не стал бы утверждать, что в первой половине XX века эпицентр глобальных процессов накопления капитала не переместился из Британии в Соединенные Штаты. Не следует делать аналогичных выводов и из восточноазиатских финансовых кризисов 1990-х (Arrighi and Silver, 1999).

Из этого, конечно, не следует, что сложившиеся финансовые центры не могут переживать финансовые кризисы. С этой точки зрения нельзя делать обобщения. При переходе от британской к американской гегемонии Британия не испытала финансового кризиса, сопоставимого с американским. Но при нынешнем переходе, напротив, Соединенные Штаты пережили в 2000–2001 и вновь в 2008–2009 годах кризисы, по меньшей мере столь же серьезные, как и восточноазиатские кризисы 1990-х.

Во время кризисов 1990-х — начала 2000-х годов в Китае продолжался экономический рост, темпы которого были беспрецедентными для территории сопоставимой демографической величины. Объясняя силу китайского подъема, мы подчеркнули его глубокие корни, причем не только в социальном и политическом восстановлении Китая в эпоху холодной войны при коммунизме, но также и в успехах имперского Китая в создании своей государственной и национальной экономики до ее подчиненного включения в европоцентричную межгосударственную систему. Точнее, мы утверждали, что возрастающее значение Китая и заграничной китайской диаспоры в содействии экономической интеграции основывалось на давней восточноазиатской практике, восходящей к имперской эпохе, то есть опоре на торговлю и рынки при регулировании отношений между правителями, а также между правителями и подданными. К середине XIX века (с «опиумными войнами») стало понятно, что эта давняя практика плохо подходила для предотвращения насильственного подчинения китаеццентричной региональной системы европоцентричной системе (Arrighi and Silver 1999; especially ch. 4; Арриги, 2009: гл. 1 и 12).

Растущее значение Китая в глобальной экономике имеет два важных следствия для будущего исхода продолжающегося кризиса американской гегемонии. Прежде всего, в той степени, в какой это возрастающее центральное значение основывается на историческом наследии региона, можно ожидать, что она останется гораздо более прочной и цельной, чем если бы она была результатом политики и поведения, которое могло бы воспроизводиться в других регионах мировой экономики. Кроме того, учитывая численность китайского населения, его экономический рост оказывает гораз-

до более подрывное влияние на глобальную иерархию богатства, чем все предыдущие восточноазиатские примеры экономического «чуда» вместе взятые. Ибо во всех этих случаях (включая случай Японии) имела место вертикальная мобильность внутри глубоко стабильной иерархии. Иерархия могла ужиться и уживалась с вертикальной мобильностью горстки восточноазиатских государств (двое из них — города-государства), на которые приходилась примерно одна двадцатая населения мира. Но приспособление к вертикальной мобильности государства, на которое приходится примерно одна пятая мирового населения, — это совсем другое дело. Оно означает фундаментальный подрыв самой пирамидальной структуры иерархии. И в той степени, в какой недавнее исследование мирового неравенства доходов обнаружило статистическую тенденцию к снижению неравенства между странами с 1980 года, оно целиком обязано быстрому экономическому росту Китая (см., среди прочего: Berry 2005).

Отметив подрывной характер продолжающегося экономического роста Китая, в «Хаосе и управлении» мы обозначили два основных препятствия для некатастрофического перехода к более равноправному мировому порядку. Первым препятствием было американское противодействие перестройке и приспособлению. Перефразируя Дэвида Коллео (Colleo, 1987: 142), мы отметили, что голландско- и британскоцентричные миросистемы рухнули под действием двух тенденций: появления агрессивных новых держав и попытки слабеющей гегемонистской державы избежать перестройки и приспособления, закрепляя свое ускользающее превосходство в эксплуататорском господстве. В 1999 году мы утверждали:

Нет ни одной вероятной агрессивной новой державы, способной вызвать падение американоцентричной миросистемы, но Соединенные Штаты имеют больше возможностей для преобразования своей слабеющей гегемонии в эксплуататорское господство, чем имела Британия сто лет тому назад. Если система в конце концов рухнет, это произойдет прежде всего вследствие американского противодействия перестройке и приспособлению. И наоборот, американская перестройка и приспособление к возрастающему экономическому могуществу восточноазиатского региона является важным условием для некатастрофического перехода к новому миропорядку (Arrighi and Silver 1999: 288–289).

Избрание Барака Обамы президентом Соединенных Штатов и соответствующая переориентация американской внешней политики могут сделать это первое препятствие для некатастрофического перехода менее жестким. Второе препятствие является менее острым, но не менее важным: по-прежнему неясно, насколько ведущие силы восточноазиатского роста способны «открыть новый путь развития для себя и для мира, радикально отличный от того, что завел нас теперь в тупик». Иными словами, для открытия новой модели, которая разрывает с социально- и экологически-нежизнеспособным путем западного развития, в котором издержки воспроизводства людей и природы по большей части «экстернализируются» (см.: Диаграмма 1),

во многом благодаря лишению большинства населения доступа к выгодам экономического развития. Это важная задача, траектория которой в значительной степени будет определяться давлением со стороны низовых движений протеста и самозащиты.

В прошлых гегемонистских переходах доминирующие группы успешно выполняли задачу создания нового мирового порядка лишь после того, как они подвергались интенсивному давлению низовых движений протеста и самозащиты. Это низовое давление расширялось и углублялось от перехода к переходу, что вело к образованию все более крупных общественных блоков с каждой новой гегемонией. Там, можно ожидать, что общественные противоречия играют гораздо более важную роль, чем когда-либо прежде, в том, какую форму примет переход и какой новый мировой порядок в конечном итоге появится из нависшего системного хаоса (Arrighi and Silver, 1999: 289).

Год спустя после написания этих слов, американоцентричная «новая экономика» лопнула. Еще немного спустя наступило 11 сентября. На короткое время показалось, что Соединенные Штаты могли сохранить свою гегемонистскую роль, мобилизуя множество правительственных и неправительственных сил в войне с терроризмом. Но вскоре Соединенные Штаты оказались почти полностью изолированы в Иракской войне, которая в целом воспринималась как имеющая мало общего с войной с терроризмом, бросающей вызов общепринятым правилам и нормам межгосударственных отношений. Как и предсказывали «Долгий двадцатый век» и «Хаос и управление», американская *belle époque* подошла к концу, и американская мировая гегемония вступила в то, что, по всей вероятности, является ее терминальным кризисом. Хотя Соединенные Штаты остаются, безусловно, самым мощным государством в мире, их отношения с остальным миром лучше всего теперь описывать как отношения «господства без гегемонии» (Арриги, 2009 2007: 152; ср.: Guha 1992).

Эта трансформация была вызвана не появлением новых агрессивных держав, а американским сопротивлением перестройке и приспособлению. Попытки Соединенных Штатов представить Ирак Саддама Хусейна новой агрессивной державой всегда были не слишком убедительны, а стратегия национальной безопасности, принятая администрацией Буша в ответ на 11 сентября, была куда более радикальной формой американского противодействия перестройке и приспособлению, чем можно было представить в «Долгом двадцатом веке» или «Хаосе и управлении». И в гораздо большей степени, чем в предыдущих гегемонистских переходах, терминальный кризис американской гегемонии — если именно его мы сейчас наблюдаем, а, как я полагаю, дело обстоит именно так — служит примером «самоубийства» великой державы (Арриги, 2009: 162–167, 178–213).

Еще до финансового краха 2008 года я рассматривал лопнувший в 2000–2001 годах пузырь «новой экономики» в сочетании с несостоятельностью неоконсервативного ответа на 11 сентября как признак «терминального кри-

зиса» американской гегемонии. Крах 2008 года лишь подтвердил обоснованность подобного взгляда. Неясно, что может сделать администрация Обамы, чтобы замедлить, не говоря уже о том, чтобы полностью преодолеть, этот кризис. Хотя Обама, возможно, такой же способный президент, как и Франклин Рузвельт, между ситуациями, с которыми сталкиваются соответствующие администрации, имеется фундаментальное различие. Если при Рузвельте Соединенные Штаты стали ведущей страной-кредитором, то Обаме приходится иметь дело с ситуацией, когда Соединенные Штаты стали крупнейшей в мире страной-должником. Это различие накладывает гораздо более жесткие ограничения на способность администрации Обамы проводить кейнсианскую политику внутри страны или гегемонистскую политику за рубежом, нежели те, с которыми приходилось иметь дело администрации Рузвельта.

Несмотря на эти события, три сценария постамериканской гегемонии, описанные в конце «Долгого двадцатого века» все еще остаются исторически возможными. Хотя проект «За новый американский век», принятый администрацией Буша, обнаружил свою несостоятельность, он не был проектом мировой империи, о котором шла речь в «Долгом двадцатом веке». Мировая империя, которая предлагалась в «Долгом двадцатом веке» в качестве возможного постамериканского сценария, была коллективным проектом Запада. Идея, что Соединенные Штаты попытаются осуществить проект мировой империи практически в одиночку, казалась слишком глупой, чтобы заслуживать рассмотрения. Провал этого образа действий, конечно, не исключает возможность того, что воссозданный западный альянс примет участие в более реалистичном многостороннем имперском проекте. И сам провал одностороннего американского проекта может создать более благоприятные условия для появления коллективного западного проекта.

Хотя универсальная империя во главе с Западом все еще остается возможной, мировое рыночное общество с центром в Восточной Азии кажется сегодня куда более вероятным исходом нынешних преобразований глобальной политической экономии, чем пятнадцать лет тому назад. Как я писал в «Адаме Смите в Пекине», Китай кажется все более вероятной альтернативой американскому лидерству в восточноазиатском регионе и за его пределами. Когда Соединенные Штаты увязли в Ираке, Китай продолжал стремительный рост, приобретая финансовые резервы и друзей во всем мире так же быстро, как Соединенные Штаты теряли их. Хотя ключевые сектора китайской экономики все еще зависят от экспорта на американский рынок, зависимость американского богатства и власти от импорта дешевых китайских товаров и приобретения американских долгосрочных казначейских обязательств остается такой же значительной, если не становится еще больше. И — что еще более важно — Китай начал заменять Соединенные Штаты в качестве главной движущей силы коммерческого и экономического роста в Восточной Азии и за ее пределами (Арриги, 2009: особ. гл. 7, 10, 12).

Растущий экономический вес Китая в глобальной политической экономике сам по себе не гарантирует появления мирового рыночного общества,

основанного на взаимном уважении мировых культур и цивилизаций, с центром в Восточной Азии. Как уже было отмечено ранее, такой исход предполагает радикально иную модель развития, которая, среди прочего, является социально и экологически жизнеспособной и которая предлагает глобальному Югу более равноправную альтернативу сохраняющемуся господству Запада. Все предыдущие гегемонистские переходы характеризовались длительными периодами системного хаоса; и этот альтернативный исход остается возможным. Какой из альтернативных сценариев будущего, изложенных в «Долгом двадцатом веке», осуществится — остается открытым вопросом, ответ на который будет определяться нашими общими действиями.

Перевод с английского Артема Смирнова

ЛИТЕРАТУРА

- Арриги, Джованни. 2006. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
- Арриги, Джованни. 2009. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования.
- Бродель, Фернан. 1988. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 2. М.: Прогресс.
- Маркс, Карл. 1960. Капитал. Критика политической экономии, в: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. М.: Госполитиздат.
- Маркс, Карл. 1961. Критика политической экономии, в: К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения. Т. 25. Ч. 1. М.: Госполитиздат.
- Негри, Антонио и Майкл Хардт. 2004. Империя. М.: Праксис.
- Arrighi, Giovanni, Takeshi Hamashita and Mark Selden (editors). 2003. *The Resurgence of East Asia: 500, 150, and 50 Year Perspectives*. London: Routledge.
- Arrighi, Giovanni and Beverly J. Silver. 1999. *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Berry, Albert. 2005. «Methodological and Data Challenges to Identifying the Impacts of Globalization and Liberalization on Inequality». United Nations Research Institute for Social Development Overarching Concerns Programme, Paper # 5.
- Calleo, David. 1987. *Beyond American Hegemony: The Future of the Western Alliance*. New York: Basic Books.
- Cumings, Bruce. 1993. «The Political Economy of the Pacific Rim.» In R. A. Palat, ed., *Pacific-Asia and the Future of the World-System*, pp. 21–37. Westport, CT: Greenwood Press.
- Deti, Tommaso. 2003. «L'avventura di ripensare il passato». *Contemporanea* 6 (3): 549–53.
- Guha, Ranajit. 1992. «Dominance without Hegemony and Its Historiography». In R. Gupta, ed. *Subaltern Studies IV*, 210–305. New York: Oxford University Press.
- Kotkin, Joel and Yoriko Kishimoto. 1988. *The Third Century. America's Resurgence in the Asian Era*. New York: Ivy Books..